Нью-Йоркская газета «Новое русское слово» опубликовала статью Э. Штейна, содержащую некоторые новые биографические данные о генерале-корниловце Скоблине и его жене — знаменитой певице Надежде Плевичкой, которые принадлежали к эмигрантской элите Парижа. Статья перепечатывается с небольшими сокращениями.

СКОБЛИН — один из самых храбрых офицеров, творивший настоящие чудеса на полях сражений. Это он в последние часы белого движения в Крыму спас от неминуемой гибели Корниловскую дивизию, убедив генерала Врангеля в необходимости изменить маршрут ее движения. Это он лично проследил, чтобы каждый боец-корниловец был погружен на пароход «Саратов». Последним по трапу на палубу «Саратова» 2 ноября 1920 года взшел Скоблин, он же был фактически последним участником белого движения, покинувшим родную землю.

Много интересного сообщает о Скоблине Виктор Александров в почти академическом труде «Дело Тухачевского» (Париж, 1962 год). Автор довольно подробно пишет о религиозности Скоблина.

Скоблина, которая у боевого генерала приобрела совершенно мистический характер. Он видел себя мессией, который возродит прежнюю Русь с ее патриархальными устоями. Для реализации этой задачи, поставленной перед ним якобы самими небесами, он готов был пойти на любые компромиссы — с кем угодно и когда угодно. Генерала постоянно сносило тщеславие, мешала жить нехватка денег.

Фронтная судьба свела его с замечательной русской певицей Надеждой Плевичкой. Путь ее пролегал через театральные подмостки чуть ли не всего мира и завершился в тюрьме Пти-Рокетт в Париже, где она умерла скорее всего в конце 1940 года. Уже первые сольные выступления Плевичкой, последовавшие после совместного выступления певицы с самим Собиновым, показали, что искусство ее значительно серьезнее, чем творчество «несравненной» Анастасии Вальдевой. В польской балетной труппе Штейна Дежка (так называли Плевичку ее родители) встретила молодого танцора Плевичкого и стала его женой, на всю жизнь сохранив его фамилию и прославив ее. Принципиальность певицы не отличалась и, как отмечали ее современники, «с одинаковой силой» могла исполнять и «Марсельезу», и «Божье царя храни». После октябрьского переворота она сразу же оказалась на стороне победителей. Репертуар ее тек подотражал вкусы и цели «революционных масс». Она очень часто пела на передовых для красноармейцев, и ее песни, долетавшие до белых благодаря необычной силе ее голоса, вызвали всеобщую ярость, которая выражалась в словах: «Ну попалась она нам!» Судьба ее была удобна, чтобы она действительно попала. Рассказов о ее пленении — сотни. Они сводятся к трем версиям. Некоторые рассказчики утверждали, что она перебежала к белым сама. Другие настаивали на ее пленении в бою. Третьи уверяли, что она «осталась в городе после отступления красных». Сегодня, однако, известно точно, что частью, ее захватившей, командовал 24-летний в ту пору полковник Скоблин.

УЖЕ упомянутый мною Виктор Александров документально доказал, что сам Дзержинский распорядился забросить в тыл белых чету Плевичких для сбора шпионских данных. Пойманным контрразведкой белых Плевичким угрожал расстрел, которого они бы не избежали, если бы не вмешательство Скоблина. Именно он отправил их в тыл, где певица стала сестрой милосердия, а ее муж — белым

офицером. Скоблин влюбился в Плевичку, которая ответила ему взаимностью. Командуя корниловцами на Перекопе, Скоблин заболел брюшным тифом и был отправлен в Симферополь. Выходила его тогда сестра милосердия Плевичкая. Однако при производстве Скоблина в генералы начальник контрразведки показал ему записку, найденную у одного из пленных, который оказался комиссаром. Эта важнейшая улика против Плевичкой (записка была адресована ей) была тут же уничтожена Скоблиным, причем генерал не посчитал даже нужным прочесть этот документ. Своим поступком Скоблин дал ясно понять: Плевичкая — выше всяких подозрений.

Труд 1990-26 с.в.
По страницам зарубежной печати

Певица и генерал

Знаменитая певица была на 12 лет старше своего возлюбленного, вскоре ставшего ее третьим мужем. Она прекрасно понимала, что слава и деньги — вещи проходящие. Отдавала она себе отчет и в том, что вскоре ее бездельность как информатора-сведомителя вызовет гнев Москвы, что в свою очередь может привести к компрометации и ее, и ее супруга. Есть основания полагать, что московское начальство дало ей приказ завербовать Скоблина. Причем чекисты отдавали себе отчет в том, что Скоблин — мужественный офицер, но в обычной жизни циник-оппортунист. В Москве не забыли того необъяснимого факта, что после Крымской кампании к большевикам обратились с предложением вернуться в СССР отважные белые генералы: Гравицкий, Шкуро, Ильин, Туркул и Скоблин. Плевичкой не стоило большого труда склонить своего мужа к сотрудничеству с ГПУ.

26 ЯНВАРЯ 1930 года из Парижа таинственно исчез генерал Кутепов, председатель Русского общевоинского союза (РОВС). След его похитителей вел в Нормандию, в окрестности Кабура. Французские следователи, ведшие дело о похищении, располагали косвенными уликами, что генерал Кутепов по ошибке был отравлен своими похитителями и тело его найдется где-то на французской земле. Правда, расследование ни к чему не привело, если не считать двух весьма важных моментов. Во-первых, вскоре выяснилось, что один из следователей по этому делу оказался советским агентом. Во-вторых, секретарь Кутепова нашел записную книжку генерала, в которой на день 26 января значилась запись: «Свидание с СК». Две эти начальные буквы выдавали Скоблина. Суд чести, состоявший из трех генералов — членов РОВС, все же оправдал Скоблина, поскольку прямых улик его вины обнаружено не было. В том же 1930 году советский дипломат-невозвращенец Беседовский опубликовал во Франции книгу «Воспоминания», в которой констатировал, что у ГПУ есть крупный агент в близком окружении генерала Кутепова. Этот агент — генерал и женат на певице...

22 сентября 1937 года был похищен преемник Кутепова на посту председателя Русского общевоинского союза генерал-лейтенант Е. К. Миллер. Французская полиция и на сей раз

не раскрыла, кем было совершено это преступление. Однако, как и в случае с Кутеповым, след привел ее в Гавр на борт советского парохода «Мария Ульянова». Французские власти тем не менее позволили «Марии Ульяновой» без всякого предупреждения, внезапно сняться с якоря и уйти в открытое море.

Перед самым своим похищением Е. К. Миллер оставил, однако, письмо, адресованное генералу Кусонскому. Вот его содержание: «У меня сегодня встреча в половине первого с генералом Скоблиным на углу ул. Жасмен и ул. Раффэ, и он должен пойти со мной на свидание с одним немецким офицером, военным атташе при лимитрофных государствах Штротманом и с господином Вернером, причисленным к здешнему посольству. Оба они хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка,

и на всякий случай я оставляю эту записку». Под письмом были подпись и дата. По типичной российской халатности документ такого звучания стал известен лишь в полночь, когда семья генерала подняла тревогу. В час ночи, уже 23 сентября, Скоблина разбудил полковник Мацылев. Они незамедлительно едут в здание РОВСа, где между адмиралом Кедровым и генералом Скоблиным в присутствии генерала Кусонского произошел следующий разговор:

Адм. Кедров: По некоторым сведениям, вы последний, с кем виделся генерал Миллер.

Ген. Скоблин: Это неверно. Я видел генерала Миллера вчера.

— У меня имеются доказательства, что у вас было назначено свидание с ген. Миллером (при этом адм. Кедров показал Скоблину письмо ген. Миллера).

— Нет, нет. Все это неверно. Я даже таких улиц не знаю.

— Подумайте хорошенько. Быть может, вы все-таки нам сообщите что-нибудь.

— Я ничего не знаю. Уверю вас.

— В таком случае нам надо пойти всем в полицию.

— Извольте.

На полминуты раньше, чем Кусонский, генерал Скоблин вышел из помещения РОВСа и... бесследно исчез, словно в воду канул. Только в годы немецкой оккупации Парижа стало известно, что в верхней квартире, над помещением РОВСа, проживал эмигрант — советский агент. С помощью соответствующей аппаратуры этот агент подслушивал все, что происходило внизу во время допроса Скоблина. Генерал-предатель понимал, что через несколько секунд его схватят. Он не сбежал по лестнице, а, напротив, скрытно поднялся в эту квартиру и укрылся у другого советского агента. Интересная деталь: дверь квартиры, как выяснилось позже, была открыта, то есть Скоблина уже ждали наверху. Итак, Скоблин исчез, а Плевичкая была арестована по подозрению в соучастии в преступлении.

СМЕРТЬ генералов Кутепова и Миллера на совести и Плевичкой, и Скоблина. Это две жертвы, а в начале статьи я писал, что на совести супружеской пары десятки тысяч погубленных ими людей. Тут-то мы и подходим к остроосужденному детективу. Генерал Скоблин прекрасно понимал, что без помощи

немцев свалить большевиков не удастся, что для такой титанической задачи силы РОВСа слишком ничтожны. Он поэтому связался с Гейдрихом, начальником немецкой разведки, причем его советские хозяева знали об этой двойной игре. Правда, не совсем ясно, были ли они посвящены и в то, что белый генерал служил еще по совместительству в бельгийской разведке. Справедливости ради отметим, что Советскую власть генерал-провокактор не любил, стремился с ней бороться и в мирное время. Но больше всего он любил славу и деньги, а для этого приходилось служить одновременно и красным, и нацистам, и даже бельгийцам.

По коварности некоторых замыслов Скоблин превзошел даже Сталина. Генерал стал создателем плана, авторство которого многие несправедливо приписывают «великому и мудрому». Скоблин воспользовался поезд-

кой Тухачевского в Париж, чтобы полностью скомпрометировать его в глазах Сталина. Генерал понимал, что с Тухачевским погибнет цвет Красной Армии, к этому он и стремился. В Берлине Скоблин поделился своими мыслями с Гейдрихом и был понят с полуслова. Было сфабриковано дело, в ход пошли подложные документы. Скоблин получил за «гениальный план» 50 тысяч немецких марок. Но тут же, в Берлине, выяснилось, что советская контрразведка пронюхала об этом плане. И... поддержала Скоблина.

Зловещая машина завертелась. Через президента Чехословакии Бенеша фальшивки были переданы Сталину; расстрел Тухачевского повлек за собой смерть еще примерно 35 тысяч командиров Красной Армии... Родившийся в мозгу Скоблина план провел в жизнь Сталин. Доблестный же генерал Скоблин кончил, как все провокаторы: согласно весьма упорным слухам, он вернулся в Москву, где был расстрелян. Бесспорно, что после предательства доблестного генерала и его знаменитой жены эмиграция долго не могла прийти в себя.

ОБА ОНИ оставили также след (небольшой) в истории литературы русского зарубежья. В 1925 году Надежда Плевичкая выпускает в Берлине книгу своих воспоминаний — «Дежкин Карагод» с подзаголовком «Мой путь к песне». Предисловие к этим мемуарам написано Алексеем Ремизовым, который высоко ценит не только вокально-артистические данные Плевичкой, но и ее литературный талант. Через пять лет, в 1930 году, в Париже в издательстве «Тайр» выходит вторая часть воспоминаний певицы «Мой путь к песням». Книжки Н. Плевичкой давно сделались библиографической редкостью.

В 1936 году в Париже вышла документальная книга «Корниловский ударный полк». В ее создании самое активное участие принял генерал Скоблин, он же самодично занимался ее распространением. После его исчезновения почти весь тираж книги, арестованный французскими властями, погиб. Умерла в тюрьме, получив 20 лет каторжных работ, Надежда Плевичкая.

Иногда имя этой «народной певицы» упоминается в советских музыкальных источниках. Имя же генерала Скоблина осталось лишь в анналах жизни иммиграции.